

И Цяо Си, и господин Цяо думали, что Хэ Чжао, привыкший видеть резные и расписные здания, увидев все это не захочет зайти в такой полуразрушенный комплекс.

Кто бы мог подумать, что Хэ Чжао некоторое время смотрел на разрушенный дом перед собой и сделал шаг: «Я войду и посмотрю».

Все были шокированы, но не могли остановить Его Величество и лишь последовали за ним в дом.

Двор находился в таком запущенном состоянии, да и состояние дома было ненамного лучше.

Внутри дома все еще было чисто, должно быть благодаря тому, что первоначальный владелец прибирал и мыл дом, когда жил в нем.

Но нагромождения беспорядка все равно приводили дом в хаотическое состояние.

Стол, стулья и скамейки, мебель которая не использовалась годами, нагромодились на одной стороне дома, занимая большую часть пространства.

На небольшом оставшемся пространстве едва помещалась простая кровать, а одеяло на ней было в заплатках.

Направление во двор не очень удачное, очевидно, что сейчас день, но в доме же по-прежнему темно. Не видя дневного света в течение многих лет, дом источал затхлый запах, который никак не мог рассеяться.

Хэ Чжао стоял в дверях и не решался сделать шаг.

Он даже не взглянул на господина Цяо, просто холодно спросил: «Цяо Шэн, это так ты любишь своего сына?»

Господин Цяо облился холодным потом и распростерся на земле: «Ваше Величество, я согрешил, пренебрегая своим долгом. Но я не намеренно обращался с сыном так жестоко. Хуэй'эр - мой единственный сын, как я могу его не любить? Так уж устроена наша семья. Ваше Величество хорошо знает историю и должен знать, что с древних времен из скромных семей выходило много благородных сыновей, и что сыновья из скромных семей умели переносить тяготы жизни, а потому поднимались на вершину государственной службы и становились чиновниками. Они могли усердно работать на правительство и благо империи. С другой стороны, в семье богачей и расточителей, дети и внуки больше гуляки и транжиры, их большой семейный бизнес часто бывал разрушен».

Тут господин Цяо сделал паузу и снова поклонился: «Я пытался закалить сердце своего ребенка, надеясь, что в будущем он станет столпом страны и будет служить императору.

Пожалуйста, будьте снисходительны, Ваше Величество!»

Господин Цяо говорил от чистого сердца и действительно выглядел как преданный человек, посвятивший себя стране и семье.

Цяо Си не мог не взглянуть на него внимательнее.

Стоит ли говорить, что этот человек достоин того, чтобы родить главного героя. Этот господин Цяо не так уж и посредственен, как кажется.

«Понятно». Выражение лица Хэ Чжао нельзя было назвать счастливым или сердитым: «Похоже, я ошибочно обвинил министра Цяо».

Господин Цяо снова поклонился: «Все в порядке».

В итоге слова господина Цяо уберегли семью от наказания императора. В конце концов, раз эти люди так преданы императору, то если их придется наказывать, то во что превратился император?

Слуга, который незаметно ушел, вошел в главный дом и заговорил перед госпожой Цяо.

Глаза госпожи Цяо расширились: «Его Величество действительно пошел посмотреть на двор этого маленького ублюдка?»

Слуга энергично кивнул.

Госпожа Цяо скрипнула зубами: «Проклятый ублюдок! Должно быть, он специально предложил эту идею, чтобы Его Величество увидел в нем жалкое существо и покарал нашу семью!».

«Быстро, найдите несколько человек и придумайте, как увести оттуда Его Величество», - приказала леди Цяо, в бешенстве размахивая руками.

Подчиненные в комнате в ужасе посмотрели друг на друга. Хозяйка может и потеряла голову от беспокойства, но это же его величество, кто посмеет сказать ему: его величество, нам очень жаль, но давайте не будем смотреть сюда, перейдем в другое место?

Цяо Хуэй, спокойно сидевший в сторонке и пивший чай, и видя ситуацию наконец заговорил: «Матушка, неужели вы думаете, что его величество — это родственник, который пришел к нам в гости с дружеским визитом, и вы можете просто прогнать его оттуда?»

«И что тогда делать?», - леди Цяо нахмурилась: «Позволить этому маленькому ублюдку делать то, что он хочет?»

«Там отец, ничего не случится». Цяо Хуэй успокаивал: «Мама, не волнуйся».

Леди Цяо теребила в руках шелковый платок: «Как я могу не волноваться, ведь еще несколько дней назад этот маленький ублюдок был заключенным, ожидающим обезглавливания на суде, а теперь он превратился в фаворита Его Величества».

Говоря об этом, леди Цяо укоризненно посмотрела на Цяо Хуэя: «Ты должен знать, что эта судьба изначально должна была принадлежать тебе!»

Цяо Хуэй отложил чай в руке и фыркнул: «Мама, из-за беспокойства ты говоришь глупости. Как только он попал во дворец, он получит известность и богатство, но и только. Он просто любимец мужчины. Ему невозможно будет построить карьеру, нельзя жениться и завести детей, его жизни в гареме не позавидуешь. Ваш сын не стремится к этому и не завидует».

Услышав слова Цяо Хуэя, леди Цяо немного пришла в себя.

Именно так. Она была так удивлена визитом императора, что даже перестала правильно расставлять приоритеты.

«Ты достоин быть моим сыном, и видишь вещи гораздо лучше, чем мать», - леди Цяо с облегчением выдохнула.

Цяо Хуэй поправил рукав, его тон голоса стал необычайно холодным: «Вместо того чтобы беспокоиться, почему бы не подумать о том, как завербовать его, пока он еще в фаворе, или найти какие-то выгоды для нашей семьи».

Леди Цяо закатила глаза и засомневалась: «Но мы же раньше плохо относились к нему, получится ли у нас перетянуть его на нашу сторону?»

Уголок рта Цяо Хуэя приподнялся: «Мама, он же дурак».

Госпожа Цяо замерла, потом поняла и рассмеялась вместе с сыном.

На обед семья Цяо приготовила банкет. Были приглашены несколько поваров из Дома Нефритового флакона, которые приготовили восемнадцать фирменных блюд, способных накормить большую группу людей.

Но не успели всё расставить на стол, как главный евнух Янь Цин с более чем дюжиной младших евнухов принесли еду из императорской кухни, заменив все.

Когда господин Цяо узнал об этом, он зашел на заднюю кухню и спросил Янь Цина, не потому ли это, что Его Величеству не понравился банкет, приготовленный его семьей?

Янь Цин улыбнулся, сказав лишь: «Сегодня император угощает, это высшая честь, о чем еще беспокоиться мастеру Цяо?»

Господин Цяо почувствовал облегчение и вышел из задней кухни.

Во время обеда Хэ Чжэн никого не просил подавать блюда, а просил всех сделать это самостоятельно.

Возможность встретиться с императором выпадала крайне редко, и родственникам семьи Цяо не терпелось отправить своих детей на банкет и показать себя.

Господину Цяо ничего не оставалось, как организовать два стола для младших членов побочных семей. Что касается настоящего Цяо Хуэя, то, чтобы избежать разоблачения, он мог лишь прятаться во внутренней комнате, не показываясь на глаза.

Главный стол, за которым расположился Хэ Чжао, отделили ширмой. За ним сидели только четыре человека: Хэ Чжао, Цяо Си, господин и госпожа Цяо.

То, что он будет обедать за одним столом с сыном Неба... Господин Цяо не смел и представить себе даже в мечтах, и был по-настоящему напуган.

Леди Цяо тоже так нервничала, что даже не смела пошевелить палочками, опасаясь чем-нибудь оскорбить Его Величество.

Только Цяо Си, который вообще ничего не боялся, не испытывал слишком сильных чувств и по-прежнему с интересом рассматривал блюда на столе.

Все блюда на главном столе были заменены Янь Цинем на блюда императорской кухни, со всеми красками и ароматами, не сравнимыми с блюдами народных поваров.

Хэ Чжао увидел, как глаза Цяо Си жадно бегают по блюдам на столе, не удержался и сказал ему: «Ты наверное, проголодался, ешь скорее».

«Как пожелаете».

Цяо Си перестал быть вежливым, схватил палочки, подцепил ими зеленый лук и нежный тофу в высоком супе перед собой и отправил прямо в рот.

Все равно в глазах окружающих он дурак, а дураки не знают, что такое этикет.

Неожиданно тофу был настолько горячим, что Цяо Си тут же выплюнул его в тарелку.

Увидев это, господин и леди Цяо резко вспотели.

Плюнуть в присутствии Его Величества было большим нарушением этикета! Если бы это вызвало недовольство Его Величества, то за это полагалось бы обезглавливание.

Кто бы мог подумать, что, когда Хэ Чжао увидел, что Цяо Си ошпарен, он не произнес ни слова упрека, а протянул руку и ущипнул Цяо Си за щеки, заставив его высунуть язык.

«Какая неосторожность, он весь красный от ожога, быстро принесите лед», - приказал Хэ Чжао.

Восемь слуг и Янь Цин стояли на страже у стола и сразу же заметили ситуацию. Через некоторое время принесли миску с охлажденным сливовым супом.

Цяо Си деловито отхлебнул большой глоток и проглотил его, язык все еще щипало.

Хэ Чжао беспомощно улыбнулся: «Подожди, не глотай».

«И зачем мне это напоминать?», - мысленно сказал себе Цяо Си, - я же не совсем дурак, неужели мне нужно, чтобы он таким голосом говорил что-то вроде «держи это во рту»?

Но Цяо Си не мог возразить, он молча сделал еще один глоток и его щеки раздулись как у хомяка.

Два старейших члена семьи Цяо, которые видели все это воочию, наблюдали за происходящим, не решаясь ничего сказать.

Действительно, сопровождать императора - все равно что сопровождать тигра. Господин и госпожа Цяо прожили большую часть своей жизни, но такое беспокойство они испытали впервые.

После обеда императорская карета собиралась вернуться во дворец.

Перед уходом господин Цяо взял Цяо Си за руку и лицемерно произнес несколько напутственных слов.

Цяо Си в одно ухо влетело, в другое вылетело, и он уже не помнил, о чем тот болтал.

Удивительно, но госпожа Цяо беспрецедентным образом подошла к нему и сказала несколько теплых слов, а затем даже сняла с запястья изящный нефритовый браслет и попыталась вложить его ему в руку.

Цяо Си проснулся и подумал, что это за шоу.

В книге госпожа Цяо испытывала отвращение к Цяо Си как к ублюдку. Как она могла проявить инициативу и преподнести подарок, да еще и такой, этот браслет стоит немало.

Цяо Си не хотел принимать подарок и, немного подумав, придумал, как от него отказаться.

Он закатал рукава, обнажив большие, сверкающие золотые браслеты, висящие на правом и левом запястьях, и сказал: «Спасибо, матушка, но Его Величество недавно уже подарил мне два браслета, и мне некуда надеть еще».

Под светом сверкающего золота нефритовый браслет, который все еще был приличного цвета, внезапно померк, не говоря уже о том, что эти два больших браслета были императорским подарком.

Ярко сияющее золото излучало атмосферу недостижимости.

«Это»

Госпожа Цяо оказалась в затруднительном положении: она достала свой подарок, и теперь не было ни смысла отдавать его, ни смысла забирать обратно.

Но Цяо Си отнесся к этому с пониманием и сказал: «Матушка, оставь его себе, мне достаточно тех, что подарил Его Величество».

Леди Цяо фыркнула и вернула браслет на запястье.

Хэ Чжао, сидевший в карете, случайно увидел эту сцену, и уголки его рта непроизвольно приподнялись.

«Сяо Цяо, ты закончил? Уже поздно, нам пора во дворец», - окликнул Хэ Чжао.

«Иду», - ответил Цяо Си, и кивнув обоим членам семьи Цяо, повернулся и побежал к Хэ Чжао.

Карета качнулась и двинулась вперед. Внутри кареты улыбка Хэ Чжао исчезла, он посмотрел на Цяо Си и спросил: «Неужели твои родители плохо с тобой обращались?»

В древние времена, когда сыновняя почтительность имела огромное значение, детям не разрешалось и полслова сказать о своих родителях.

Цяо Си покачал головой: «Нет, они очень хорошо ко мне относятся».

Хэ Чжао ущипнул его за щеку: «Не нужно мне врать, у меня есть глаза, я умею смотреть. Этот Цяо Шэн утверждал, что хорошо к тебе относится, но позволил тебе жить в убогом доме, который хуже склада. В доме нет даже приличного парчового одеяла, даже дворцовые крысы не могут жить в таком месте. Госпожа Цяо еще более бессердечна. Она не проявила ни малейших эмоций, когда увидела тебя. Когда ты обжег рот во время еды, она даже не побеспокоилась. Не говоря уже о том, что, когда вы прощались, она не показала даже намека на привязанность».

Хэ Чжао вскользь заметил: «Странно, у Цяо Шэна нет наложницы, ты должен быть родным сыном госпожи Цяо, почему же она совсем не вела себя как настоящая мать».

Слушая его слова, Цяо Си втайне удивлялся.

Он не ожидал, что Хэ Чжао обратит внимание на столько тонкостей.

Впрочем, это нормально, поведение семейной пары Цяо действительно плохое, если бы у других людей было сердце, они бы точно так же смогли увидеть подсказки.

Внезапно Цяо Си понял, что больше не может лгать Хэ Чжао.

Между ним и Хэ Чжао и так было три лжи.

Его личность, ребенок в его утробе и игра в дурака.

Хэ Чжао не был туповатым и некомпетентным человеком, напротив, он все скрупулезно наблюдал, к тому же его статус императора давал ему неограниченные ресурсы. Можно сказать, что пока он подозревал и пока был готов, он мог выяснить все досконально.

Вопрос о ребенке был негласным соглашением между ним и Хэ Чжао, поэтому ему не нужно было беспокоиться о том, что эта ложь будет раскрыта.

Притворяться дураком было его спасительной тактикой, и он должен был хранить этот секрет до самой смерти, не допуская даже ни малейшего риска раскрытия.

Для поддержания одной лжи требуется бесчисленное количество другой лжи, ложь с обычными людьми уже достаточно утомительна, не говоря уже о том, что перед ним все еще император-тиран.

Цяо Си понимал, что второй раз солгать он не сможет.

Поэтому лучше всего было признаться хоть в чем-то.

Однако он не должен рассказывать всё сразу, нужно делать это медленно, давая Хэ Чжао время переключиться с подозрений на убеждения.

Приняв решение, Цяо Си широко раскрыл глаза с чистой невинностью, отчего выглядел глупо.

Затем наивным и спокойным тоном он признался в своей тайне: «Она не моя мать, моя мать давно умерла».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14649/1300656>